

СВЕТСКИЕ ВЕДОМОСТИ

НЕЗАВИСИМОЕ ИНФОРМАГЕНТСТВО «BELSTAR» МИНСК

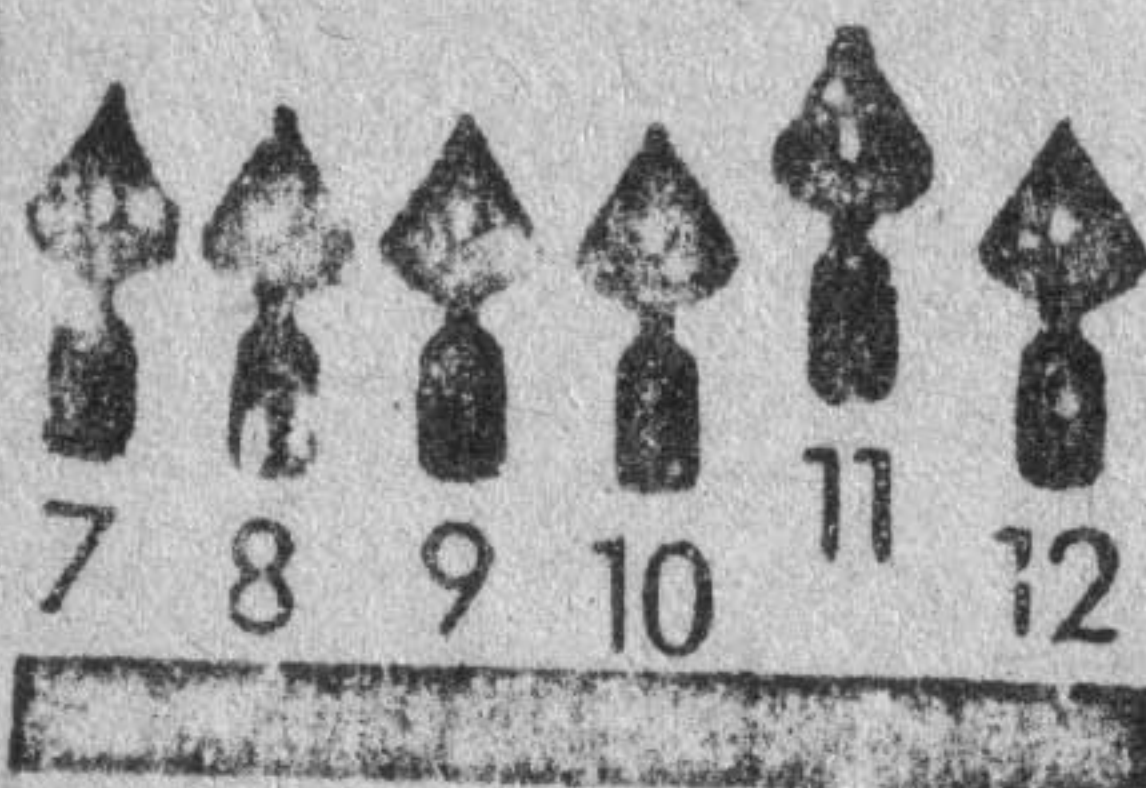
СПЕЦВЫПУСК № 3. 1990.

Владимир ВОЙНОВИЧ

СКАЗОЧКИ

О ПАРОХОДЕ

Ну, вот вам еще одна сказка. В некотором царстве, в некотором государстве был некоторый пароход. Старенький был пароходишко, ходил по малокаботажным маршрутам из порта А в порт Б и обратно. А пассажирами его были разные люди.

Помещики, капитаны, попы, купцы, военные, студенты, интеллигенция и простой народ, то есть рабочие и крестьяне. Эти в основном в трюме да на нижних палубах располагались. Рабочие были в основном голы перекатная, а крестьяне еще ничего, плавали всегда, имея при себе мешки с провиантом. Ну, плавали так из года в год, кто на базар, кто в церковь, кто на

рифами, надо, чтоб пароход выше поднялся, надо скинуть лишний балласт. Лишним балластом оказались мешки с мешками. Мужиков скинули, мешки оставили, пароход еще более облегчился. Нашлись, однако, малюверы и в самой пиратской команде. Мужиков, говорят, скинуть нужно, но первый капитан учил нас еще и лавировать. Хватаются за руль и одни пытаются влево крутануть, а другие, наоборот, вправо. Так они потом и были названы — левые уклонисты и правые. Капитан велел и тех, и других за борт скинуть, акулам. Ну, акулы их охотно пожрали, им что левые, что правые — все на один вкус.

«Ну а теперь, — говорит капитан, — полный вперед, горизонт уже недалеко». Идет пароход, пытит. Кочегары уголь шуруют, котлы кипят, пароход идет полным ходом, вот-вот к горизонту приблизится. А чтобы не скучно было плыть, велел капитан остаткам интеллигенции песни сочинить веселые.

тан — брови широкие, взгляд орлиный, сам из себя красавец. Этот оказался не волюнтарист. Он кукурузу на палубе не сажал и зигзагов велел никаких больше не делать. И пар тоже немного сбросить, поскольку за горизонтом, ясно, уже ничего, кроме горизонта, не будет.

Его спрашивают: «Ну, когда же будет Лимония?» Он говорит, скоро будет, а давайте, не дожидаясь ее, начнем развлекаться. А как, спрашивают, развлекаться? А давайте будем праздники праздновать. А какие, спрашивают, праздники? А всякие, говорит. Годовщины нашего отплытия и мои дни рождения. А еще, говорит, давайте, вы будете награждать меня разными орденами и хлопать в ладоши, а я буду плакать.

Надо сказать, что этот капитан был изобретательный. Люди награждали его орденами, хлопали в ладоши, он плакал и все еще чего-то придумывал. А теперь, говорит, давайте вы будете называть ме-

хоньку плыть обратно. Ну, его тут, конечно, стали спрашивать, куда же обратно, и где это обратно находится, если вокруг один горизонт.

А новый капитан говорит: «Надо нам вернуться к старому руководству, которое «Капитал» называется. Надо трогаться в путь и изучать «Капитал». Ну, тронулись и изучают, но все без толку. Потому что в «Капитале» только один путь указан — вперед.

Тем временем пароход хотя и медленно, но куда-то плывет.

А команда и пассажиры поют новую песню:

Мы все плывем, но все не там,
Где надо по расчетам...
Был умным первый капитан,
Второй был идиотом.
А третий был волюнтарист,
Четвертый был мемуарист...
Кем были пятый и шестой,
Чего они хотели.

перекатная, а крестьяне еще ничего, плавали всегда, имея при себе мешки с провиантом. Ну, плавали так из года в год, кто на базар, кто в церковь, кто на службу, кто по семейным делам, а кто на митинги и демонстрации.

Плавали, плавали и доплавались до того, что однажды пароход был захвачен пиратами. Но не плохими пиратами, а хорошими. Которые решили доставить пассажиров из порта А не в порт Б, а в страну Лимонию. Туда, где растут лимоны и текут молочные реки с кисельными берегами. Но поскольку пассажиров было слишком много, пароход старый, а путь неблизкий, решили для начала кое-кого скинуть за борт для облегчения. Скинули помещиков, капиталистов, попов, купцов и военных. При этом всякие там часы, кресты, цепочки, бумажники—все это у них предварительно отобрали, чтобы плыть им было полегче. Скинули часть интеллигенции, а другую часть, попутчиков, оставили, потом, мол, скинем, подальше. К счастью пираты тоже сбросили за борт, своих людей всюду расставили. Ну, перво-наперво кинулись, конечно, смотреть всякие там карты, лоции и другие морские книги, где там страна Лимония обозначена. Искали, искали — не нашли. Пиратский предводитель, теперь он стал капитаном, говорит: «Эти лоции-шмоции нам вовсе и не нужны, у нас есть «Капитал» Карла Маркса, по нему и проложим наш путь вперед».

Сожгли лоции-шмоции в топке, стали изучать «Капитал». А в «Капитале» сказано, что страна Лимония находится сразу за горизонтом. Посмотрели, горизонт недалеко находится, теперь, когда корабль в результате скидывания части пассажиров за борт облегчился, доплыть до горизонта — раз плюнуть. Поставили пароход носом к горизонту — поплыли дальше. Тут первые подводные рифы обнаружались. Стали думать, как быть. Обходить рифы или переть прямо на них, авось обойдется.

Капитан был человек умный и сказал так: «Видеть рифы и идти на рифы—это архиглупость и пустейшая фраза. Настоящий моряк должен уметь лавировать».

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Пока лавировали между рифами, капитан простудился и умер, уступив место на мостике своему помощнику.

Тот, вставши на мостик, огляделся, заглянул в «Капитал», принял новое решение. «Ну, что ж, — сказал он, покуривая трубку, — полавировали немножко и хватит. Полный вперед».

Ему говорят, как же полный вперед, когда рифы еще виднеются. «Ничего, — говорит, — как-нибудь. У нас теперь будет такая теория. Если хочешь пройти над

рабочие были в основном в основном ходом, вот-вот к горизонту приблизится. А чтобы не скучно было плыть, велел капитан остаткам интеллигенции песни сочинить веселые.

Те сочинили, команда и пассажиры поют:

Плывем мы правильным путем,

И нет пути исконнее.

До горизонта доплывем,

А там уже Лимония.

Ну, плывут, плывут, а горизонт все впереди и совсем близко. Земля, покинутая давно, удалилась, уже и сзади, и с боков ничего не видно, кроме горизонта. Уже некоторые люди стали забывать, что когда-то жили на суше, уже бабушки внукам сказки стали рассказывать, что далеко за задним горизонтом есть такая штука, земля. Лимоны, правда, там не растут, реки текут не молочные, но люди как-то все же живут.

Ну, команде-то все равно, она уголь шурует, пар держит, а среди пассажиров брожение намечается. Если, мол, за передним горизонтом никакой Лимонии не видно, то не лучше ли повернуть назад, к заднему горизонту, там хотя и не Лимония, но все же какая-никакая земля.

Пришлось и этих пассажиров за борт кидать, акулам.

Так, долго ли, коротко, а лет тридцать с лишком проплыли, когда вдруг помер второй капитан, хотя и считался бессмертным.

Третий капитан оказался волонтистом. Он сказал: «Раз горизонт у нас со всех сторон, будем плавать зигзагами и так или иначе до Лимонии доберемся».

Ему говорят, да куда же мы доберемся, если уже и припасы кончаются. Все, что у мужиков отобрано, уже доедаем.

А ничего, говорит, кукурузу на палубе посадим, будем кушать мамалыгу.

Взялись с песнями за работу.

Песни пели примерно такие:

Наши воды глубоки,

А дороги далеки,

Но идем мы все тем же путем.

Разведем кукурузу,

Вудем кушать от пуза,

А в Лимонию все ж попадем.

Насадил зезде кукурузу. И на верхней палубе, и на нижней, и на носу, и на корме. Выросла кукуруза большая-пребольшая. Такая большая, что сквозь нее уже никакого и горизонта не видно. Правда, выросли одни стебли. Но когда они молочно-восковой спелости, их тоже есть можно. Коровы во всяком случае их едят очень даже охотно. Но поскольку на пароходе коров давно уже не было, пассажиры сами стали той кукурузой питаться. А напившись, устроили бунт и самого капитана акулам скинули.

Появился на мостике четвертый капи-

заобретательный. Люди награждали его орденами, хлопали в ладоши, он плакал и все еще чего-то придумывал. А теперь, говорит, давайте вы будете называть меня не капитаном, а адмиралом. А теперь, давайте, я буду писать книги, а вы будете их изучать и конспектировать.

Давайте, говорят.

Ну, написал адмирал для начала первую книгу воспоминаний под названием «Как я учился плавать». Он написал, а команда и пассажиры стали изучать и конспектировать, про Лимонию уже даже не думая. Надо сказать, что уголь к тому времени уже в общем-то кончился, котлы остыли, команда и пассажиры никуда не плывут, так что времени на изучение книги хватает. Книга оказалась гениальная и заслуживала всяческих наград. Ну и награждали Адмирала. Прочтут страничку—Адмиралу медаль, прочтут главу—орден. За всю книгу присвоили ему звание Героя Черного моря. Ему понравилось. Написал он второй том воспоминаний «Как я научился плавать». Потом дальше пошло: «Как я стал капитаном» и «Как я стал адмиралом». Стали ему лепить ордена и звания одно за другим. Стал он Герой Белого моря, Герой Красного моря, Герой Балтийского моря и Герой четырех океанов. Потом решили ему присвоить звание Классика мировой литературы тоже с вручением специального ордена. А надо сказать, что Адмирал уже и с прежними-то орденами еле стоял на ногах. И когда ему последний орден вручили, он вдруг, не выдержав всей навешанной на него тяжести, рухнул и так и остался лежать, заваленный орденами.

После Адмирала другие люди взялись за управление кораблем. Ну, двое из них сразу померли, о них и говорить нечего.

Наконец появился на мостике человек уже из нового поколения. Который не то что Лимонии, а и обыкновенной земли не видал, потому что родился уже на корабле. Этот скромным оказался. Адмиралом меня, говорит, не зовите, я всего-навсего капитан. И орденов тоже не давайте, я их еще куда не заслужил. И вообще давайте поменьше пустозвонства и празднословия, а давайте приниматься за дело, давайте, если уж не до Лимонии, то хоть до чего-нибудь доплывем. Потому как забрались мы далеко и если не выберемся, то в конце концов все потопнем. А не потопнем, то помрем с голоду или от жажды. Так что давайте опять разводите огонь и нагревать котлы. Угля, конечно, у нас уже почти нету, но можно подтапливать адмиральскими книжками. И вообще, говорит, давайте отнесемся к нашему прошлому критически. Все капитаны у нас были дураки, кроме первого. Тот хотя бы умел лавировать. А нам лавировать уже некогда и негде, никаких рифов нет, а есть сплошная глубина. И надо нам поти-

А третий был волонтистом. Четвертый был мемуарист... Кем были пятый и шестой. Чего они хотели. О том ни тот и ни другой Поведасть не успели. Так как нам быть? Куда нам плыть? По-прежнему неясно. Зато об этом говорить Теперь мы можем гласно.

Здравствуйте, детки, большие и маленькие, молодье и старенькие. Сказку о пароходе, который плыл семьдесят лет не туда, вы уже слышали. Теперь он плывет туда, это вы уже тоже знаете. Знаете и про нового капитана. А как он всялся за дело, этого вы не знаете,

а чтобы вы узнали, пришлось написать мне вторую сказку о пароходе. А дело было так. Как сменил новый капитан предыдущего, сразу вызвал к себе в каюту всех членов высшего корабельного совета, в который входят первый помощник по политчасти—перпом, старший помощник—старпом, старший механик—стармех, штурман, лоцман, боцман, главный кок и помощник капитана по корабельной безопасности—помкорбез.

Ну, пришли они, расселись на мягких диванах, капитан говорит: «Докладывайте».

Первым стал докладывать первый помощник. По моей политической части, говорит, все у нас хорошо, экипаж и пассажиры прилежно изучают историю движения нашего парохода, ведут конспекты, подтягивают отстающих, проявляют высокую сознательность и беззаветную преданность. Это все, так сказать, в общих чертах.

— А если не в общих чертах? — спрашивает капитан.

— Если не в общих, то надо признать, что имеются отдельные недостатки. Изучая историю, команда и пассажиры бурчат, что пароход идет не туда, что все продукты достаются высшему корсету, есть тенденция к ношению широких штанов и длинных причесок, к западным танцам и музыке рок, распространяются политически вредные анекдоты и имеются тенденции к бегству. Некоторые прямо так и говорят: как только дойдем до ближайшего порта, так мы тютю.

— Ха-ха, тютю, — сказал штурман, — до ближайшего порта мы дойдем не скоро.

— А некоторые, — возразил перпом, — никакого порта не дожидаясь, крадут шлюпки или даже кидаются с борта без ничего.

— Ну, а ты что скажешь? — спросил капитан и обратил свое внимание на помкорбеза, который сидел и подробно записывал, кто чего говорит и кто чего думает.

— А скажу так, — сообщил помкорбез, — что в целом доклад перпома следует одобрить как откровенный и деловой, но надо заметить также и то, что нездоровые настроения среди членов команды и пассажиров имеют свою положительную сторону, поскольку способствуют эффективной работе корбезопасности.

— А у тебя что? — капитан повернулся к старпому.

— У меня полный порядок.

— А конкретно?

— А конкретно, борта нашего судна проржавели, в определенных местах имеются течи, и вода поступает внутрь корабля.

— Но с этим, — сказал капитан, — я полагаю, ведется борьба, и вода откачивается.

— Борьба ведется, — согласился старпом, — но вода не откачивается, поскольку имевшаяся на борту корабельная pompa переделана в аппарат для самогонирования, а брезентовые шланги порезаны на рукавицы. С течью боремся посредством затыкания.

— Что используете в качестве затыкательного материала?

— В качестве затыкательного материала используем живую силу, то есть нашу прекрасную молодежь.

— Ну и как?

— В прошлом наша прекрасная молодежь представляла собой прекрасный затыкательный материал и с большим энтузиазмом затыкала собою все дырки. Теперь же, когда ее посылают затыкать, она ответно посылает...

— Понятно, — прервал капитан, — а что у нас в машинном отделении происходит?

— В машинном отделении все хорошо, — доложил стармех. — Угля нет, котлы топим книжками предыдущего комсостава. Три машины из четырех не работают, зато являются бесценным источником запасных частей для четвертой машины, если их, конечно, по дороге не разворуют.

— Ну, чтоб не разворовали, надо поставить охрану, — заметил перпом.

— Ни в коем случае, — возразил штурман. — Если поставить охрану, то она тоже начнет воровать, потому что и охранникам жить как-то нужно.

— Ну, а по твоей части что у нас? — обратился капитан к штурману.

— По моей части полный порядок, — доложил штурман. — Корабль идет точно выверенным правильным курсом в неправильном направлении.

— А правильным курсом в правильном

Нет папани, нет мамани,
И меня не станет тож.

— Да, — вздохнул перпом, — типичный пример упаднических настроений. С такими настроениями далеко не уплывешь.

— Ну что ж, товарищи, — вмешался опять капитан. — Дело ясное. Значит, дела у нас обстоят таким образом. С курса мы сбились и куда идем, неизвестно. Корпус проржавел, дает течи, затыкать их нечем и нечем, поскольку народ разуверился и ничего собой затыкать больше не хочет. Три машины из четырех не работают, а четвертую, кроме капитанских книжек, топить нечем. Ну, допустим, пустить на топку всякие лишние мачты, палубные доски и парходную мебель, но этого топлива может хватить, только если мы будем идти исключительно правильным курсом и в правильном направлении, которого мы не знаем. Если мы будем идти неправильным путем и в неправильном направлении, то в конце концов всякое топливо кончится, течи будет все больше и больше и мы непременно потопнем.

— Как пить дать, потопнем, — подтвердил лоцман.

— Кстати, насчет питья, — сказал капитан и посмотрел на боцмана.

— Без питья-то жить можно, — заметил боцман. — А вот без питания труднее.

— Кстати, что насчет питания? — капитан повернулся к главкоу.

Главкок поднялся, стянул с головы колпак и доложил, что хотя перебои с питанием действительно имеют место, для высшего корсостава продуктов на определенный неопределенный период пока хватает.

— Ну, а остальные пусть питаются, как хотят, — беспечно заметил штурман.

— Это будет большая политическая ошибка, — решительно возразил перпом. — Если мы не будем кормить команду, она перемрет, а сами мы корабль до места не доведем и потопнем. Если мы не будем кормить пассажиров, они взбунтуются и выкинут нас за борт акулам.

— Есть, есть идея! — закричал лоцман.

Все повернулись к нему.

— Идея такая, — сказал лоцман. — Мы снимаем ночью все шлюпки, грузим на них остатки продовольствия и пресной воды, садимся сами и...

— И-и! — передразнил помкорбез. — Шлюпок-то давно нету. Украдены.

— Как? Все украдены или частично? — спросил капитан.

— Крались частично, а украдены все, — смущенно признал помкорбез.

— Ничего себе! — Капитан даже присвистнул. — А куда же смотрели твои молодцы?

— А мои молодцы как раз первые и смотрели, как бы эти шлюпки украсть и удрать, — пролепетал помкорбез и смутился совсем.

го были объективные причины. У нас были враги, которые постоянно сбивали нас с курса. Мы сбивались потому, что шли неизведанным путем, не имея при себе ни карт, ни лоций, и вообще-то говоря, не имея точного представления, где находится страна Лимония и существует ли она вообще. Возможно, было ошибкой избирать водный путь, проще было добираться по суше. В пути мы встретили туманы, бури, штормы, подводные рифы и надводные айсберги. Наши люди героически преодолевали трудности. Мы должны вспомнить подвиги наших матросов, вахтенных, механиков и кочегаров. Они трудились в поте лица, иногда даже сами сгорая в топках, затыкая своими телами пробойны, падая за борт по-

дый человек сможет вносить посильный вклад в наше движение. Ну а в свободное от работы время мы не возражаем против разведения на палубах огородов и развития мелких ремесел.

Речь капитана была встречена бурными аплодисментами, а затем напечатана в бортовой газете «Всегда на вахте». Правда, напечатана была не полностью, но с некоторыми сокращениями. Указания на негативные явления в прошлом из статьи капитана были выброшены, но вставлены в статью первого помощника. «Негативные явления, — написал перпом, — играли в нашей жизни положительную роль. И в негативные времена мы позитивно трудились и пели веселые песни. Сейчас мы

доложил штурман. — Корабль идет точно выверенным правильным курсом в неправильном направлении.

— А правильным курсом в правильном направлении можно идти?

— Никак нет, поскольку все карты предыдущим руководством были утоплены, компас разбит, секстант продан и пропиг.

— Предыдущим руководством? — спросил капитан.

Штурман вопроса не расслышал, а помкорбез сделал какую-то пометку в блокноте.

Спросили, как дела у лоцмана, выяснилось, что хорошо.

— Когда начнем тонуть, глубины хватит, — пообещал он.

У боцмана тоже все шло неплохо: палубы и всякие железки на корабле, ботинки и пуговицы у матросов надраены, люки, наоборот, задраены, но дисциплина хромает, потому что у команды уже нет никакого страха.

По этому поводу был спрошен опять помкорбез, который некоторые улучшения по части страха свалил на перпома.

— Сам по себе страх без политико-воспитательной работы нужного эффекта не дает, хотя мы со своей стороны делаем все, что можно. За последний отчетный период нами разоблачены и изолированы в трюме четыре машиниста, один буфетчик, два вахтенных матроса и один пассажир.

— А за что пассажир?

— За то, что пел враждебные песни. Раньше мы какие песни пели? Раньше мы пели песни оптимистические. «Идем мы правильным путем, и нет пути истиннее...» Такие песни мы пели. А тут я иду мимо и слышу: этот поет что-то ужасное. Вот тут все свои, и я позволю себе исполнить... Вот что он пел:

Здравствуй, Ваня, здравствуй, Маня,
Я — казанский сирота,
Ни папани, ни мамани,
Не имею ни черта.

— А ничего! — сказал капитан. — Неплохо.

Лоцман хотел даже списать слова, но помкорбез не посоветовал.

— Это начало еще можно терпеть, — сказал он, — оно просто незрелое и ни к чему не зовет. Но дальше-то совсем плохо.

— А что плохо? — спросил с интересом лоцман, надеясь если не записать, то хотя бы запомнить.

— А вот что плохо, — ответил помкорбез и пропел:

Заблудившись з океане,
Ох, до суши не дойдешь.

— А мои молодцы как раз первые и смотрели, как бы эти шлюпки украсть и удрать, — пролепетал помкорбез и смутился совсем.

— Ну и хорошо, — сказал капитан. — Так даже лучше. Шлюпок нет, бежать не на чем, значит, будем вести наш пароход дальше. Во избежание дальнейшего недовольства команды и пассажиров часть продуктов из нашего камбуза надо передать им.

— Категорически возражаю! — вскричал замполит. И, заикаясь от волнения, объяснил, что он лично согласен на любые изменения курса и на любые лишения, но ухудшение питания высшего корсостава будет идеологической, политической, тактической и стратегической ошибкой. — Мы с вами, — продолжил он, — хорошо знаем, что бытие определяет сознание. Мы видим это по нашим подчиненным. У них плохое бытие и низкое сознание. Если мы поделимся продуктами с другими и тем самым ухудшим наше бытие, то тогда и наше сознание тоже ухудшится. А с плохим сознанием мы не сможем вести наш корабль правильным курсом и в правильном направлении.

— Это верно, — вздохнул лоцман.

— Но народ-то чем-то кормить все же надо, — возразил боцман.

— А вот раз наш боцман такой сознательный, — сказал помкорбез, — давайте его отстроим от нашего камбуза, а его спецпаек распределим поровну между командой и пассажирами. Таким образом народ успокоим и проведем идеологический эксперимент: посмотрим, как будет ухудшаться сознание боцмана.

Боцман, понятно, пожалел, что сказался таким правдолюбом, но возражать было уже бесполезно, потому что его из каюты вывели. И стали выработать окончательное решение. Споров было много. Один говорит, надо идти задом наперед, другой предлагает идти передом назад. Приняли компромиссное решение идти левым боком в правую сторону. После чего вышли уже к команде и пассажирам. Собрались на верхней палубе, поставили стол президиума. Члены капитанского совета, все, кроме боцмана, сели за стол, боцману нашлось место в заднем ряду, а капитан вышел к трибуне и говорит:

— Уважаемые члены команды, пассажиры и пассажирки. Как вам известно, семьдесят лет назад мы вышли из пункта А с целью прибытия в пункт Б, но затем резко изменили курс и направились в страну Лимонию, где растут лимоны и текут молочные реки с кисельными берегами. Мы должны признать, что заветного берега мы еще не достигли. Для это-

должны вспомнить подвиги наших матросов, вахтенных, механиков и кочегаров. Они трудились в поте лица, иногда даже сами сгорая в топках, затыкая своими телами пробоины, падая за борт, попадая в пищу акулам. Были определенные ошибки и со стороны прежнего руководства. Оно не прислушивалось к трезвым голосам, указывавшим на неправильность направления. Оторвавшись от основной массы, оно поедало больше продуктов, чем нужно. С этим мы решили покончить, теперь к голосам прислушиваться будем. Кроме того, часть продуктов, предназначенных для питания высшего корсостава, теперь в порядке эксперимента будет распределена между всеми.

— Правильно! — закричала дружно команда.

— Правильно! — закричали пассажиры.

— Неправильно! — хотел крикнуть боцман, сидя в заднем ряду, но, увидев показанный ему кулак помкорбеза, промолчал.

— Кроме того, — продолжал капитан, — мы решили значительно улучшить условия вашего бытия, сделав его более свободным и радостным. Отныне снимаются всякие ограничения на ширину брюк и длину волос, разрешается малевать абстрактные картины, петь безыдейные песни и танцевать танцы, которые прежде считались враждебными. Кроме того, разрешается критиковать руководителей нашего рейса на любом уровне, вплоть до боцмана.

— А бить его можно? — прокричал кто-то из команды.

— Нет, товарищи, бить нельзя. Для битья у нас есть и продолжает эффективно действовать наша прекрасная и закаленная в пути служба корбезопасности. Если вы кого-то хотите побить, подайте заявление в письменной форме, оно будет рассмотрено. Но, товарищи, предоставляя вам такие большие свободы,

высший корсовет рассчитывает, что вы все будете проявлять большую сознательность, все до одного будете способствовать нашему движению вперед. У нас не должно больше быть пассажиров, которые слоняются по палубам, смотрят вдаль или на корме забивают козла. Все теперь будут членами команды, все должны что-то делать. Одни, скажем, пишут книжки, другие их собирают, третьи топят ими котлы, четвертые изыскивают для топки всякие ненужные деревянные вещи. Кому совсем нечего делать, пусть сядут на весла. А тем, у кого и весел нет, можно взять простыни или одеяла, сделать из них паруса и дуть в них. Таким образом, каж-

в статье первого помощника. «Негативные явления, — написал перпом, — играли в нашей жизни полсжительную роль. И в негативные времена мы позитивно трудились и пели веселые песни. Сейчас мы много и смело говорим о том, что иногда порой сворачивали с правильного пути на неправильный. Да, это так, и мы признаем это со всем свойственным нам мужеством. Но, говоря об этих негативных и многократно осужденных нами явлениях, мы не должны забывать главного: что и неправильным путем мы шли в правильном направлении. Конечно, товарищи, у нас и сейчас есть еще некоторые недостатки, которые нужно устранить, но торопиться не следует. Это было бы недальновидно. Если мы сейчас устраним все недостатки, то тем, кто придет после нас, нечего будет исправлять».

Конечно, такие выступления капитана и первого помощника не остаются без внимания, все замечают, что вопросы ставятся остро и совершенно по-новому. Разговоры об этом идут на мостике, в кают-компани, в матросских кубриках, в пассажирских каютах и на всех палубах. На палубы повылазила всякая молодежь — хиппи, панки, люберы и металлисты. Поют всякие неформальные песни без слов, без музыки, но с криком.

Помкорбез по пароходу прогуливается, к разговорам и крикам прислушивается, но сам при этом ничего не говорит, только похлопывает себя по кобуре. Тем временем пароход продолжает идти отчасти задом наперед, отчасти передом назад, отчасти левым боком в правую сторону, отчасти правым в левую, но зато в совершенно правильном направлении. Конечно, среди плывущих имеются разногласия. Одни все еще надеются доплыть до страны Лимонии, другие согласны доплыть до чего попало, третьи, которые ближе к камбузу, вообще куда плыть не хотят, им и здесь хорошо. В результате этого разнобоя получается так. Капитан во весь голос командует: «Полный вперед!» Первый помощник вполголоса поправляет: «Малый назад!» Штурман крутит компас вправо, рулевой вращает штурвал влево, вперёдсмотрящий глядит назад, кочегары подбрасывают уголь, вахтенные через трубу заливают топку водой, пассажиры взмахивают веслами, но гребут в разные стороны, кто-то сверлит в корпусе дыры, кто-то их затыкает. А есть и такие, которые из собранного якобы на топку дерева строят шлюпки. А есть даже и такие, которые по ночам сигают за борт и пускаются вплавь без ничего, считая, что лучше потопнуть или быть съеденными акулами, чем плыть дальше на этом пароходу в любом направлении. Хотя в правильном, хоть в неправильном.